

«Я ВАС ЛЮБЛЮ ЛЮБОВЬЮ БРАТА, ОТЦА, МАТЕРИ...»

ГОГОЛЬ И ЕГО СЕСТРЫ

НАТАЛИЯ АНИНО

Это строки из письма Николая Гоголя сестрам, Елизавете и Анне*. Друзья и знакомые писателя не раз подтверждали справедливость такого необычного признания. «Меня поразило, что Гоголь, который еще так молод, говорил о своих сестрах и даже матери... будто он отец семейства», – вспоминала Александра Смирнова-Россет**.

Гоголь отказался от своей доли наследства в пользу матери и сестер, обсуждал с матерью хозяйственные дела, занимался воспитанием и образованием сестер, посылал им подарки. Сестры это ценили. «Так молод, и так заботился о нас, как мать», – вспоминала Елизавета Васильевна (1; 179). «Удивительно, какая у него была нежная заботливость о нас», – писала Вере Аксаковой Анна Васильевна (1; 144).

Николаю Гоголю едва исполнилось 16 лет, когда он остался единственным мужчиной в семье. Будто по воле злого рока мужчины в этом доме умирали рано. В браке Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголей-Яновских родилось двенадцать детей: шесть мальчиков и шесть девочек. Два мальчика появились на свет мертвыми, трое умерли в детском возрасте. Остался один Николай. Его жизнь молодые родители вымолили перед чудотворным образом святителя Николая. В честь него и назвали сына. Сам Василий Афанасьевич умер сорока восьми лет. Не дожили до тридцати лет муж Марии Васильевны Гоголь Павел Трушковский и сын их Николай, а их сыновья Иван и Михаил умерли младенцами. Недолго прожили в браке и остались вдовами Елизавета Васильевна и Ольга Васильевна. В семье Гоголей сохранилось поверье о проклятии, которое после какой-то ссоры наложил на

* Рим. 16 апреля 1839 года. См.: Гоголь Н.В. Собр. соч. и писем в 17 т. Т. 11. Письмо 103.

** Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 2. С. 335. Далее все ссылки на это издание с указанием в тексте тома и страницы.

всех мужчин рода подрядчик, строивший дом. Однажды горничной Гоголей приснился сон, будто в большой комнате сидят все умершие в этой семье мужчины (1; 207). Мистика, конечно. Впрочем, мистических историй в этой семье хватало. Удивительна сама встреча Василия Яновского и Машеньки Косяровской.

Глава 1. «Любви пленительные сны»

Василию Яновскому было 14 лет, когда он увидел пророческий сон: храм, отворились царские врата, вышла царица «в порфире и короне». Она обратилась к Василию, предсказала ему болезни, исцеление и женитьбу. «Вот твоя жена», – указала царица на маленькую девочку у своих ног. Через некоторое время молодой человек попал в дом доброй знакомой своих родителей Анны Матвеевны Трошинской. Неожиданно в комнату вошла кормилица с семимесячной Машенькой Косяровской на руках. Каково же было изумление Василия, когда в этом ребенке он узнал девочку из своего необычного сна. Отец Маши служил то в Орле, то в Харькове. Жена следовала за ним. Иван Матвеевич решил, что девочке будет спокойнее в доме его сестры. Василий часто приходил к Анне Матвеевне, забавлял Машу игрушками. Прошло еще почти 13 лет. И снова он увидел сон. Тот же храм. На этот раз открылись не царские врата, а боковые алтари. Вышла женщина необыкновенной красоты и указала Василию на девушку в белом платье: «Вот твоя невеста». И он опять узнал Машу Косяровскую. Эти сны со слов мужа пересказала Мария Ивановна Гоголь в письме С. Т. Аксакову (1; 80).

Маша тоже видела сны, счастливые и тревожные. Они волновали, иногда пугали. Всю жизнь Мария Ивановна Гоголь будет верить снам, предсказаниям, гаданиям.

По обычаям того времени, Василий сначала рассказал о своем намерении жениться родителям Маши и Анне Матвеевне. С ней молодой человек делился сомнениями, может ли Маша полюбить его, ведь она еще не рассталась с куклами. Анна Матвеевна всегда его успокаивала и поддерживала. Ей казалось, что такой скромный, деликатный, образованный человек будет хорошим мужем для ее любимицы.

Тогда в искусстве и дворянском быту господствовал сентиментализм, и он был созвучен характеру Василия Яновского. Однажды Маша с девушками гуляла по берегу реки. Неожиданно с другого берега послышалась приятная музыка. Музыкантов не было видно. Они скрывались в садах. Но Маша догадалась, что это придумал ее жених. Идеалам и вкусам молодости Василий Афанасьевич будет верен всю жизнь. В его саду были тенистые аллеи, беседки, мостики, гроты с поэтическими названиями: «Долина спокойствия», «Грот дриад».

Василий писал Маше письма, полные нежных слов. Она никогда не распечатывала их сама, сначала отдавала отцу или Анне Матвеевне. Читая письма, отец Маши обычно улыбался и приговаривал: «Видно, много читал романов». Ответные письма Маша писала под диктовку отца. Василий и Маша обвенчались, когда ей исполнилось 14 лет. С первых дней семейной жизни они поняли, что созданы друг для друга, так совпадали их чувства и вкусы. Одному радовались, одни книги читали, причем читали всегда вместе. «Кадм и Гармония» Михаила Хераскова особенно сильное впечатление оставила. Книга эта «возбудила во мне чувства неземные, представлялась мне приятным сновидением», – вспоминала Мария Ивановна (1; 119).

Среди соседей Гоголей был богатый и знаменитый Дмитрий Прокофьевич Трошинский, бывший министр*. Он приходился Марии Ивановне еще и дальним родственником (его брат был женат на ее любимой тетке, Анне Матвеевне Косяровской). Великолепный дом Трошинского, настоящий дворец, в его имени Кибинцы поражал гостей роскошью: картины европейских художников, богатая библиотека, фарфор. Трошинский содержал собственный оркестр и домашний театр. «Кто знал Кибинцы в дни их величия и славы, те не могут и теперь без увлечения вспоминать об этом сказочном мире», – писал друг Гоголя А.С. Данилевский (1; 497). В доме Трошинского Василий Афанасьевич и Мария Ивановна познакомились с драматургом Василием Васильевичем Капнистом и поэтом Гаврилой Романовичем Державиным. Державин и Трошинский – два сановника екатерининского века – церемонно раскланивались, не хотели садиться один прежде другого и называли друг друга «Ваше высокопревосходительство». Трошинской всегда выходил к столу в орденах и ленте.

Особенно много гостей собиралось 26 октября на именины Дмитрия Прокофьевича**. О размахе торжеств можно судить по его письму Л.И. Голенищеву-Кутузову. «...В течение шести дней сряду за столом у меня сидилось с лишком 90 персон, а на конюшне гостинных лошадей было более 200» (1; 134).

В зале, а иногда в оранжерее, ставили спектакли: сцены из античной мифологии, комедии из жизни Малороссии. Одним из авторов комедий был Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский. На Рождество устраивали маскарады. Оркестр исполнял Моцарта. Гости в роскошных костюмах входили в зал. Зрелище было ярким и красочным.

Любил Трошинский и грубые, унижающие человеческое достоинство развлечения. Шестидесятиведерную бочку наполняли водой. Бросали на дно золотые монеты. Каждый мог попытаться счастья, то есть залезть в бочку и собрать монеты. Непременно все. Если не удавалось, приходилось золото возвращать. Трошинский сидел с гостями на балконе и «потешался над водолазами» (1; 594). А шуты его бедолаг передразнивали.

Вряд ли Марии и Василию, с их добротой и чувствительностью, такие забавы нравились. Они никогда не напрашивались в гости к богатому родственнику. Напротив, Дмитрий Прокофьевич приглашал их и удерживал. Трошинский ценил Василия Афанасьевича как талантливого рассказчика и любовался его женой. О ней же было общее мнение – дивная красавица. Мария участвовала в домашних спектаклях в Кибинцах. Когда Дмитрий Прокофьевич через лорнет рассматривал афишку и находил ее имя, бывал очень доволен. Мария и Василий с удовольствием возвращались домой и никогда не скучали, а если приходилось расставаться, Мария писала мужу письма. «Душа души моей, милый Василько», «Дети, наши, слава Богу, здоровы... но меня ничего не веселит, что тебя нет со мной, милый друг мой. На все смотрю стесненным сердцем. <...> Остаюсь навсегда верный тебе друг Марья Яновска» (1; 62, 81). Много лет спустя Мария Ивановна Гоголь вспоминала, что у нее в то счастливое время было какое-то тревожное «предчувствие души», будто знала, что рано потеряет любимого мужа. Двадцать лет пролетели как сон.

* Д.П. Трошинский (1754–1829) уходил в отставку дважды. С поста министра уделов – 9 июня 1809 года, с поста министра юстиции – 25 августа 1817-го.

** День памяти великомученика Дмитрия Солунского.

Глава 2. Прекрасная панночка

Мария Ивановна осталась вдовой в неполные 35 лет. Горе ее было безмерно. Она не хотела жить, отказывалась от пищи. С большим трудом ей разжижали зубы, чтобы влить несколько ложек бульона. Только Анна Матвеевна, всегда имевшая на Марию влияние, сумела вернуть ее к жизни.

Пятеро детей и немалое хозяйство стали для Марии Ивановны тяжелой ношей. В лучшие годы у Гоголей было до 300 душ и 1000 десятин земли. Много это или мало для безбедной жизни? Как посмотреть. «Ведь есть же на свете богатые люди!» – воскликнула Василиса Егоровна, услышав, что у Гриневых 300 душ (А.С. Пушкин, «Капитанская дочка»). «Отец мой имел пять тысяч душ. Следственно, был из тех дворян, которых покойный граф Шереметев называл мелкопоместными, удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить!» (А.С. Пушкин, «Русский Пелаг»). Когда Александра Россет выходила замуж, у ее жениха Николая Смирнова было 6000 душ, 22 000 десятин земли в Московской, Тульской, Калужской и Псковской губерниях, несколько домов в Москве и Петербурге.

В те же годы вдова Е.А. Арсеньева, бабушка Лермонтова, крепко держала в руках свое имение Тарханы. И Тарханы давали доход. Все было рассчитано: свои плотники, столяры, ткачи, домашний врач и даже живописец. Баловства и лишних трат Елизавета Алексеевна не допускала, зато на лечение и образование внука денег не жалела.

Гоголи такими качествами не обладали. Как говорили соседи, Василий Афанасьевич и Мария Ивановна были чужды житейской прозы. Управляющий обманывал. Дворовые пользовались барскими кладовыми. Продать хлеб, овощи, птицу было трудно. Все это производилось и в соседних хозяйствах. Поэтому не хватало наличных денег. Хотя «люди все свои, без жалования (крепостные. – *Н. А.*)», «жизнь была дешева» (1; 154).

Дом Манилова, открытый всем ветрам, не только фантазия писателя. «Вообразите, что мы в шубах в своих комнатах не можем согреться. <...> ...Видно, домик мой ветшает... кругом в стены, из-под полу дует», – писала Мария Ивановна Петру Косяровскому (1; 103).

Мария Ивановна была то недоверчива, то легковерна. Она поддалась на уговоры своего зятя Павла Трушковского открыть кожевенную фабрику и шить сапоги, подбитые золотыми гвоздиками. Сам Трушковский стал жертвой какого-то заезжего авантюриста. В одном экземпляре сапоги выглядели удивительно красивыми. Но наладить производство, найти мастеров, обеспечить сбыт – совсем другое дело. Затея обернулась убытками настолько значительными, что пришлось заложить половину Васильевки и продать хутор под Кременчугом.

Василий Афанасьевич баловал свою жену подарками, и она к этому привыкла, не могла себе отказать и часто тратила деньги нерасчетливо. Покупала икру, «конфеты», кружево, тюль, дорогие стеариновые свечи.

Именины Марии Ивановны отмечали очень торжественно. Они приходились на 1 октября и совпадали с Покровом. Гостей собиралось не менее сорока человек. После службы в церкви начинался обед. Рассадить всех гостей за одним столом было невозможно. Накрывали несколько столов, включая письменный и ломберные. Расставляли их в разных комнатах. Между обедом и ужином устраивали танцы, а между танцами разносили подносы с виноградом, печеньем, конфетами. Гости могли и сами подойти к одному из столов и положить угощение на свою тарелку. Мария Ивановна любила делать гостям подарки. Очаровательная, добрая, щедрая, она очень нрави-

Сам Трушковский стал жертвой
какого-то заезжего авантюриста.
В одном экземпляре сапоги выглядели
удивительно красивыми. Но наладить
производство, найти мастеров,
обеспечить сбыт – совсем другое дело.
Затея обернулась убытками настолько
значительными, что пришлось заложить
половину Васильевки и продать хутор
под Кременчугом.

лась соседям. «Це ангел Божий», – вот общее мнение. Только дочери Марии Ивановны его не разделяли. Николай Васильевич призывал сестер смотреть на мать «как на святую, исполняя малейшие ее желания»*. Но у них плохо получалось. По вечерам Мария Ивановна у себя в спальне читала, вязала чулки, раскладывала пасьянс или гадала. Дочери должны были перед сном навестить ее, посидеть, пожелать доброй ночи. Лиза редко появлялась, не могла себя преодолеть. Когда-то Мария Ивановна высекла Лизу, и та не простила мать. Анна ладила с матерью, даже шила для нее красивые чепцы, но не любила. «Всем нравилась, но живущим с ней было тяжело. Мы, все три, очень страдали», – писала Анна Васильевна Пантелеймону Кулишу (1; 151). Даже кроткая Ольга с ней соглашалась: «Мать была невыносима и подозрительна» (1; 213). Сестрам не хватало материнской любви. Хотя, конечно, Мария Ивановна любила их и по-своему желала им добра.

К единственному сыну она относилась иначе. Это было больше, чем любовь. «В обожании сына Мария Ивановна положительно доходила до Геркулесовых столпов, приписывая ему все новейшие изобретения (пароходы, железные дороги) и, к величайшей досаде сына, рассказывая об этом при каждом удобном случае», – вспоминал Александр Данилевский (1; 496). Дочери пытались вернуть ее к реальности из мира фантазий, но безуспешно. Пытался и сам Николай Васильевич, и делал это очень деликатно. «Вы слишком предаетесь вашим мечтам... не называйте меня гением... меня, доброго, простого человека... не изъявляйте никакого мнения о моих сочинениях... скажите... что он добрый сын. Это для меня будет лучшая похвала... не судите никогда, моя добрая и умная маменька, о литературе. Вы в большом заблуждении»**.

Подозрительность и болезненное воображение Марии Ивановны отмечают многие. Но в чем они выражались? Свет на эту загадку может пролить одно признание Гоголя: «Вижу, что кто-нибудь споткнулся; тотчас же вообра-

* Письмо Н. В. Гоголя сестре Анне от 22 мая 1851 года.

** Письмо Н. В. Гоголя к М. И. Гоголю 12 апреля 1835 года. Т. 10. Письмо 247.

жение за это ухватывается, начинает развиваться – и все в самых страшных призраках. Они до того меня мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают мои силы» (3; 49)*. Оба, мать и сын, отличались болезненным во-ображением. У Николая Васильевича оно находило выход в творчестве. Как справлялась Мария Ивановна со своими фантазиями, можно только предпо-лагать.

Загадка была и в ее внешности. Необыкновенной белизны кожу оттеня-ли темные глаза и черные волосы. Это лицо, склонившееся над младенцем, оставило необыкновенной силы впечатление, вошло в сознание и подсо-знание будущего писателя. Вспомним гоголевских красавиц. «У сотника была дочь, ясная панночка, бела, как снег» («Майская ночь»). «Дивились гости белому лицу пани Катерины, черным, как немецкий бархат, бровям» («Страшная месть»). «Она лежала, как живая. Чело прекрасное, нежное, как снег, как серебро... брови – ночь среди солнечного дня» («Вий»).

Сохранился портрет Марии Ивановны Гоголь двадцатых годов. Первое впечатление: вот же она, панночка из гоголевских повестей. Что-то не-обычное во взгляде, в повороте головы тревожит и даже пугает. Может быть, художник это придумал? А может быть, угадал? Была еще одна загадка: Ма-рия Ивановна как будто не старела. «Бывало принарядится – так моложе дочерей своих выглядит», – вспоминала ее современница Ольга Захаровна Королева (1; 348). Сергей Тимофеевич Аксаков впервые увидел Марию Ива-новну, когда ей было уже 50 лет, возраст по тем временам очень солидный, и был поражен: «Она была так моложава, так хороша собой, что ее решитель-но можно было назвать только старшей сестрой Гоголя» (2; 690).

Умерла Мария Ивановна Гоголь семидесяти семи лет. От удара (инсульта). У нее не было ни морщин, ни седых волос.

Глава 3. Неоконченная повесть пушкинской поры (Маша)

Старшую дочь Гоголей Машу и Николая разделяли только два года. Они вместе росли, играли, читали, верили, что в большом пруду Васильевки жи-вут русалки. Впервые они расстались, когда Никоша уехал учиться в Полта-ву, а позднее – в Нежин. Василий Афанасьевич хотел и дочери дать хорошее образование. Он обратился к Трошинскому с просьбой помочь устроить Машу в пансион госпожи Арендт, который располагался в селе Богдановка под Полтавой**. При этом он сообщал, что его дочь «по-русски и по-французски читать умеет» (1; 141).

Разлука с братом печалила Машу, и она писала домой тревожные пись-ма. «Мне очень горестно, что я не получаю никакого ответа на мое письмо к братцу; он, верно, меня совсем забыл или, может быть, я написала что-нибудь ему неприятное... напишите ему, чтоб он меня простил по моей мо-лодости» (1; 140).

Училась Маша с удовольствием и очень успешно. Сохранились ее тетра-ди по истории, географии, литературе на французском языке и стихи ее сочинения на русском и французском. Маша знала наизусть множество сти-хов. Особенно любила и часто читала вслух сестрам и гостям стихи Пуш-кина. Она сама была похожа судьбой и характером на его героинь. «Марья

* Это Гоголь признавался Федору Васильевичу Чижову (1811–1877), математику, адъюнкту-про-фессору Санкт-Петербургского университета, издателю и литератору.

** Мать Николая Федоровича Арендта (1785–1859), доктора медицины, тайного советника, лейб-медика Николая I.

Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена» (А.С. Пушкин, «Метель»). Маша Яновская читала и французские, и английские, и немецкие романы. В 19 лет она влюбилась. Говорили, что не обошлось без интриги Клеменковой, соседки Гоголей. В ее дом ездил из Полтавы двадцатидвухлетний красавец Павел Трушковский. Красив-то красив, но беден. Большая опасность для ее дочерей, молодой вдовушки и девицы. Клеменкова не стала дожидаться развития событий и привезла Трушковского в дом Гоголей. Маша и Павел полюбили друг друга – к великому неудовольствию Марии Ивановны. Ее тоже не устраивал жених без средств и перспектив. Но Маша проявила неожиданную настойчивость. «Вы потому не хотите, чтобы я выходила замуж, что боитесь быть бабушкой», – заявила она матери (1; 196).

Свадьба Маши и Павла Трушковского состоялась 24 апреля 1832 года. Гоголь был в это время в Петербурге. Он прислал 500 рублей и наставления. «Я всегда был враг этих свадебных церемоний. <...> Напомните сестрице о строгой бережливости», – писал он матери 25 марта 1832 года*.

У Трушковского не было средств снять квартиру. Он поселился с молодой женой в Васильевке. Ездил на службу в Полтаву, а в свободное время пытался заниматься хозяйством. Выращивал виноград и табак, но не преуспел. А его затея с кожевенной фабрикой, о чем уже говорилось, принесла только долги.

Семейная жизнь Маши продолжалась только четыре года. В 28 лет Павел Трушковский простудился на охоте, заболел и умер. Сыновья Маши Иван и Михаил умерли младенцами. Остался сын Коля, старший. Он вскоре уехал учиться в Полтаву. Маша осталась одна и очень тосковала. «Бедная сестра, ей казалось, что она лишняя в доме», – вспоминала Ольга (1; 199). Маша просила мать выделить ей часть хозяйства, но Мария Ивановна любила сама всем распоряжаться. Какие-то перемены в жизни Маша связывала с новым замужеством. Ей очень нравился Александр Данилевский. Он часто бывал в их доме, но приезжал навестить Марию Ивановну, а к Маше был равнодушен. Он любил другую женщину, Ульяну Похвисневу. На ней вскоре и женился.

Мечты Маши о новом замужестве очень не нравились Гоголю. Он писал сестре письма, убеждал быть благоразумной и не совершать новых ошибок. Писал Гоголь и матери, надеясь, что она повлияет на Машу. «Девушке 18-летней извинительно предпочесть всему наружность, доброе сердце, чувствительный характер и для него презреть богатство и средства для существования. Но вдове 24 лет и притом без большого состояния непросто ограничиться только этим. <...> Ее самое лучшее состояние – свободное состояние»**.

Если Николай Васильевич писал матери всегда деликатно, то в письмах к Данилевскому не скрывал своего раздражения. «Сестру мою зудит страшным образом выходить замуж. <...> Почти готов держать пари, что она... уже стоит в церкви под венцом»***.

Когда-то Николай Васильевич писал Маше письма, посылал книги и ноты. Теперь связь между братом и сестрой оборвалась. Маша была обижена, даже оскорблена его непониманием. Она умерла тридцати трех лет от скоротечной чахотки. «Мы поплакали, 6 недель были в трауре и скоро забыли о ней», – вспоминала Ольга (1; 200). Неужели ничего не осталось, даже воспоминаний?

* Т. 10. Письмо 130.

** Т. 11. Письмо 61.

*** Письмо к А.С. Данилевскому, февраль 1938 года. Т. 11. Письмо 60.

Нетрудно заметить, что самое большое вознаграждение за работу получала танцовщица. И это объяснимо: умение танцевать для девицы на выданье важнее географии и арифметики.

Остался Коля Трушковский. Его любили все: бабушка и тетки. Он был добрым и очень способным. Блестяще окончил полтавскую гимназию, поступил на Восточный факультет Казанского университета, писал работы по арабской литературе. Позднее Трушковский продолжил образование в Санкт-Петербургском университете. Последние годы недолгой жизни Николай Трушковский посвятил изданию сочинений своего знаменитого дяди.

Глава 4. «Беззаконная комета в кругу расчисленных светил» (Гоголь и Патриотический институт)

Патриотический институт был основан вскоре после Отечественной войны 1812 года для дочерей погибших и раненых воинов. С 1820-го он располагался в Петербурге на 10-й линии Васильевского острова. Институт находился под попечительством императрицы Александры Федоровны.

16 апреля 1831 года Гоголь писал матери: «Государыня приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц» (1; 734). Удивительно, как умел Гоголь точно выбранным словом придать фразе лестный для него смысл. Мария Ивановна могла подумать, что императрица дала распоряжение при личной встрече. Этого, конечно, не могло произойти. Коронованные особы не дают аудиенций чиновникам 14-го класса.

А вот как это было на самом деле. Преподавание истории в младших классах института было обязанностью классных дам. Когда увеличилось число воспитанниц, возникла необходимость взять учителя. Рекомендацию Гоголю дал П. А. Плетнев*, высоко ценивший молодого писателя. В начале 1830-х Плетнев исполнял обязанности инспектора Патриотического института и преподавал там российскую словесность. Начальница института Л. Ф. Вистингаузен подала представление на имя статс-секретаря императрицы Александры Федоровны Н. М. Лонгинова. Последовала резолюция: «Ея Императорско»е В«еличеств»о соизволяя на сие представление повелевает допустить г. Бюля к преподаванию» (1; 733). Фамилия Гоголя, очевидно, была искажена при переписывании.

Жалование Гоголю определили 400 рублей в год. В 1832-м оно было увеличено до 1200 рублей. Сравнимо с годовыми окладами других преподавателей института.

Учитель географии и арифметики Постников получал 1500 рублей. Учитель французской словесности Лустоно – 1200. Учитель немецкой словесно-

* Петр Александрович Плетнев (1791–1861) – критик, издатель «Современника», профессор и ректор Санкт-Петербургского университета.

сти Шреберг – 1200. Учитель рисования Яковлев – 1000. Танцовщица Шимаева – 1800 рублей (1; 735).

Нетрудно заметить, что самое большое вознаграждение за работу получала танцовщица. И это объяснимо: умение танцевать для девицы на выданье важнее географии и арифметики.

Очень скоро у Гоголя появилось желание устроить в институт Анну и Лизу. «Какие здесь превосходные заведения для девиц. <...> Патриотический и Екатерининский самые лучшие», – писал он матери 9 октября 1831 года*. Оснований не имелось никаких: Василий Афанасьевич не был военным. Однако Гоголь предложил принять сестер в институт взамен его жалования и даже сумел доказать очевидную выгоду для института подобного решения. Сэкономленные на его жалованье деньги надо поместить в коммерческий банк под проценты. Так и сделали. Однако уже в октябре 1833-го Гоголь получил единовременно 200 рублей, а с 1 января 1834-го ему возобновили выплату жалованья. Между тем Анна и Лиза содержались за казенный счет до декабря 1839-го.

В 1834 году Гоголь был включен в список учителей, награжденных по случаю очередного выпуска воспитанниц. Императрица пожаловала ему бриллиантовый перстень (1; 740). И это несмотря на то, что в 1832 году Гоголь не вернулся в срок после летнего отпуска.

Из представления начальницы Патриотического института Л. Ф. Вистингаузен статс-секретарю императрицы Александры Федоровны Н. М. Лонгинову: Гоголь был «уволен в отпуск на 28 дней... считая с 1 июля. По истечении сего срока г. Гоголь к должности не явился и объяснения на сей случай никакого не представил, но уже прибыл в первых числах сего ноября, следственно просрочивши три месяца» (1; 738). П. А. Плетнев писал по этому поводу В. А. Жуковскому 8 декабря 1832 года: «Он (Гоголь. – *Н. А.*) в службе и обязан о себе давать отчет. <...> Четыре месяца не было про него ни слуху, ни духу. Оригинал» (1; 659). Напомню, что Плетнев – инспектор института. Между тем в письме нет возмущения, негодования, только легкая ирония, даже добродушная. Очевидно, Л. Ф. Вистингаузен и Н. М. Лонгинов тоже проявили снисхождение. Чем объяснить? Скорее всего, личным обаянием Гоголя и бережным отношением старших по возрасту и служебному положению к талантливому молодому человеку. Гоголю в это время всего 23 года.

Каким же запомнился учитель Николай Васильевич Гоголь своим воспитанницам? Они привыкли к рассказам по истории, составлению хронологических таблиц, повторению дат. Ничего подобного не было в лекциях Гоголя. Он не составлял плана урока и зависел от вдохновения. Гоголь не устанавливал связи событий, а стремился вызвать у своих учениц зримые представления о далеких временах. Он приносил на уроки картины, изображавшие пирамиды и сфинксов Древнего Египта, готические замки и соборы Европы. Лекции его были увлекательны. «Одна картина сменяла другую; едва дыша, следили мы за ним и не замечали того, что оратор в пылу рассказа драл перо, комкал и рвал тетрадь или опрокидывал чернильницу», – вспоминала бывшая воспитанница института (1; 748). Вдохновение часто покидало Гоголя. Тогда он появлялся в классе унылый, говорил вяло, нередко уходил до конца урока. Мог пропустить занятия, не объясняя причин. Даже его маленькие сестры это заметили. «Брат часто манкировал классы по болезни, иногда и от лени», – вспоминала Елизавета Васильевна (1; 180).

* Т. 10. Письмо 118.

Как же относилась начальница института к такому непредсказуемому и недисциплинированному учителю? Иногда она выражала неудовольствие. На это инспектор Плетнев отвечал: «Луиза Федоровна, дайте срок, он выровняется, и из него выйдет отличный учитель» (1; 748). Но Гоголь не «выровнялся». В апреле 1835-го он попросил отпуск на четыре месяца по болезни. Начальница института не была уверена в его возвращении. Уже в начале июля того же года приняли другого учителя. Гоголь был очень обижен, хотя, возможно, он и сам не вернулся бы. Все последующие годы он будет жить за границей, лишь на короткое время приезжая в Россию. Все-таки Гоголь с его перепадами настроения от вдохновения к унынию не был создан для профессии учителя. Она требует повседневного труда, терпения, бесконечного повторения пройденного. Гоголь «оставил по себе память какого-то блестящего метеора, осветившего небывалым, причудливым светом тихо, спокойно трудившееся заведение», – завершает свои записки выпускница института (1; 748).

Глава 5. Звени, мой колокольчик!

В истории о Гоголе и его сестрах не обойтись без дорожной темы. Гоголь любил дорогу. Она давала ему необходимое уединение, покой и душевное равновесие. Правда, он предпочитал путешествовать не по российским, а по европейским дорогам.

*Со временем...
дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава VII, строфа XXXIII

«Лет чрез пятьсот», – добавляет поэт. Пока не пересекли, но ведь и пятисот лет не прошло. В гоголевские времена, кажется, никто не сказал доброго слова о российских дорогах. Как только их не проклинали! «До Ельца дороги ужасные, несколько раз коляска вязла в грязи» (А. С. Пушкин, «Путешествие в Арзрум»). Александра Смирнова-Россет называла российскую дорожную грязь «мифологической». Дорога уравнивала всех. На ухабах переворачивались и дорогие экипажи, и деревенские брички. Летели в дорожную грязь холопы и благородные господа. Первое, что увидела Смирнова-Россет, въезжая в Калугу, была лежащая на боку карета ее мужа, калужского губернатора. Это в распутицу: весной, осенью, после дождя. А в хорошую погоду? Вот еще один гоголевский образ: «Петух перешел улицу, мягкую, как подушка, от пыли». Представьте, как взметнется эта пыль из-под копыт лошадей. Почтовые станции не предлагали усталым путникам удобств и отдыха. По ироническому утверждению князя П. А. Вяземского, «надо много философии и мужества», чтобы ночевать там (2; 337).

Несмотря на плохие дороги, в России всегда любили быструю езду. В любую погоду летели по дорогам русские тройки, спешили дилижансы. Дилижансы могли преодолеть путь от Петербурга до Москвы за три дня. В декабре 1839-го Гоголь и его сестры добирались от Петербурга до Москвы четыре дня. Анна и Лиза плохо переносили зимнюю дорогу, приходилось останавливаться, чтобы погреться и отдохнуть. Помещики обычно отправлялись в дорогу на своих лошадях. Удобнее, дешевле, хотя и медленнее. Лошадям нужен отдых.

*Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих.*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава VII, строфа XXXV

Примерно так добирались до Москвы в апреле 1840 года Мария Ивановна Гоголь с младшей дочерью Ольгой. «Наняли ямщика, погрузили в рогозовую кибитку домашние припасы, ехали более двух недель», – вспоминала Ольга Васильевна (1; 197). На обратный путь Гоголь нанял для матери, Анны и Ольги дилижанс, купил им в дорогу икры, сыра, копченостей и вкуснейших московских калачей. До Васильевки дилижансы не ходили. Мария Ивановна с дочерьми остановились в Харькове, у знакомых, и дожидались лошадей из дома.

На почтовых станциях очередность и количество лошадей, которых можно было нанять, определялись чином проезжающих. Гоголь вышел из нежинской гимназии коллежским регистратором, то есть имел самый низший чин в Табели о рангах (14-й). В департаменте уделов он прослужил менее года. Летом 1832-го его служба в Патриотическом институте только начиналась. А потому на почтовых станциях у него не было никаких привилегий. Но в дороге с Гоголем случалось нечто удивительное.

28 мая 1842 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщала о приезде из Москвы профессора Гоголя (2; 164). 24 марта 1846 года в Риме профессору Гоголю был выдан паспорт на проезд в Неаполь и обратно (3; 591). Но Гоголь никогда не был профессором. Некоторое время он читал в Санкт-Петербургском университете лекции по истории Средних веков для студентов второго курса филологического отделения. В документах и расписании он числился адъюнкт-профессором. Но он не мог претендовать и на это звание, так как не окончил университета и не представил научных работ. В документах и подорожных Гоголь с конца 1830-х числился коллежским асессором, то есть чиновником 8-го класса. Подорожная на проезд из Одессы до Москвы выдана 26 марта 1851 года «коллежскому асессору Николаю Гоголю... давать по четыре лошади с проводником» (3; 794). Из опубликованных документов нельзя понять, как и когда совершил Гоголь этот карьерный прыжок – из 14-го класса в 8-й. В аттестате, выданном Гоголю Санкт-Петербургским университетом 14 мая 1836 года, он назван чиновником 8-го класса, но из приведенного в этом документе послужного списка не ясно, когда и за какие заслуги этот чин получил (1; 799).

Мемуарист П. В. Анненков*, отвечая в 1876 году на вопросы издателя М. М. Стасюевича**, утверждал, что Гоголь «подчистил на подорожной предикат “регистратор” и заместил его другим “ассессор”», и случилось это еще до получения должности адъюнкт-профессора (3; 37). Заподозрить классика в подделке документов?! Кажется, никто этого дерзкого и скандального заявления П. В. Анненкова не подтвердил, но и не опровергнул.

В подделке подорожной еще можно усмотреть выгоду, но обычно шутки Гоголя были бескорыстны. В мае 1842 года Гоголь уезжал из Москвы. Тогда проверка паспортов и осмотр вещей проводились не только на границе, но и при въезде и выезде из города. Аксаковы и Н. Н. Шереметева поехали проводить Гоголя до городской заставы. Там и случилось происшествие, которое Анна Васильевна Гоголь назвала «забавным». Надежда Николаевна

* Павел Васильевич Анненков (1813–1887), мемуарист.

** Михаил Матвеевич Стасюевич (1826–1911), издатель, редактор, историк и публицист.

обняла и перекрестила Гоголя. Простились с ним и Аксаковы. В этот момент у них потребовали документы. Кто же все-таки уезжает? И тогда Гоголь крикнул: «Вот эта старушка!» Потом «погнал лошадей и скрылся, оставив Шереметеву в большом затруднении» (1; 163).

Как-то Гоголь решил доказать, что он может путешествовать по Европе без паспорта. Когда на границе требовалось предъявить документы, Гоголь брал на себя хлопоты собрать паспорта пассажиров дилижанса и передать их таможенным чиновникам. Свой паспорт оставлял в кармане. Когда паспорта с пометками возвращали, Гоголь разыгрывал целый спектакль: «А где же мой паспорт?» Перед ним извинялись и отпускали. «Я (С. Т. Аксаков. – *Н. А.*) и другие видели его паспорт, возвратившийся из-за границы почти белым» (2; 661). В гоголевские времена не было единой Германии, единой Италии. Эти страны были разделены на королевства, великие герцогства, герцогства, вольные города, поэтому пометок в паспортах путешественников было множество. Склонность к розыгрышам и мистификациям была свойственна артистической натуре Гоголя. «Он был не лгун, а выдумщик», – комментировал подобные истории С. Т. Аксаков (2; 660).

Но вернемся в июль 1832 года, когда Гоголь, получив отпуск в Патриотическом институте, отправился в долгий путь домой. С дороги он писал историку Михаилу Петровичу Погодину 8 июля 1832 года, что сидит на почтовой станции в ожидании лошадей. Правда, ему предлагали лошадей «за пятерные прогоны», исключительно «по доброте». Гоголь на предложение вымогателей не согласился, коротал время «за Ричардсоновой “Клариссой”»*.

А вот свою писательскую копилку он пополнил. Через несколько лет в «Мертвых душах» появятся строки: кузнецы «смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро». Гоголь дождется лошадей и продолжит путь в родную Васильевку, чтобы повидаться с семьей и увезти сестер Анну и Лизу в Петербург.

Глава 6. Неразлучные (Анна и Лиза)

Анна родилась в 1821-м, Лиза – в 1823-м. Они вместе играли, учились, выросли и не представляли, что когда-нибудь могут расстаться. Старшая по возрасту Анна всегда была выше ростом, отличалась сильным характером. Естественно, что она взяла Лизу под защиту. Опекаемая, оберегаемая Лиза на всю жизнь сохранила черты избалованного ребенка. Таково было мнение современников, знавших Елизавету Васильевну замужней дамой.

Гоголь в письмах домой просил держать сестер подальше от девичьей. Считал девичью средоточием сплетен и предрассудков. Но именно дворцовые имели на девочек заметное влияние. Лиза не любила мать и даже побаивалась. Зато к няне своей, Варваре Семеновне, была сильно привязана. Когда сестры уезжали учиться в Петербург, самым тяжелым было для Лизы расставание с няней. «...В Институте, когда нужно было слез, а их не было, то вспомнишь только было прощание с Варичкой, как тут они являлись», – вспоминала Елизавета Васильевна (1; 179).

Няня Варвара была мастерицей, шила для Лизы тряпичных укол. Хотя в доме были дорогие игрушки от богатых родственников Трошинских, девочки любили играть с этими тряпичными куклами. Анна и Лиза часто оставались без присмотра. То играли у пруда, очень глубокого, то забрасывали

* Т. 10. Письмо 141.

камни на крышу. Один из камней скатился и попал Лизе в голову. Рану перевязали, но Лиза долго жаловалась на головную боль. Праздником для сестер были приезды брата. Он всегда привозил лакомства: орехи и сливы в сахаре, столичные конфеты. Все это было упаковано в красивые коробочки. Николай Васильевич любил играть с сестрами, смешил их, забавлял. Маленькую Лизу он усаживал верхом на большую собаку. Анну причесывал а *la chinoise* (по-китайски). Едва приехав в родной дом, Гоголь брался за работу. Он расписывал стены и потолок цветами, рисовал план перестройки дома по европейской моде. Мечтательный, кажется, далекий от реальной жизни, он с ранних лет очень ловко работал руками. «Я знаю кой-какие ремесла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены. <...> И много чего уже разумею из поваренного искусства»*, – писал он Петру Косяровскому. Гоголь вязал шарфы, кроил занавески и даже платья для сестер. На эту страсть Гоголя к рукоделию обратил внимание мемуарист П. В. Анненков. Он вспоминал, что «часто заставлял Николая Васильевича перед столом с ножницами в глубокой задумчивости» (3; 450).

В июле 1832 года в доме Гоголей готовили Анну и Лизу в дальнюю дорогу. Мария Ивановна предложила камердинеру Гоголя Якиму жениться на горничной Матрене. Он не отказался, хотя и проявил полное равнодушие. Мария Ивановна была очень довольна, что все устроилось «экономно и по-семейному». Матрена была и нянькой, и прачкой, а слуга Яким оказался еще и хорошим поваром.

Ехали долго. Три дня провели в Москве. В Петербург прибыли в первых числах ноября. Девочки уже видели Полтаву и, проездом, другие города, поэтому Москва усадебная, утопающая в садах, не поразила их так, как Петербург. Прямые и широкие проспекты, каналы, высокие каменные дома. Квартиру сняли в Новом переулке, в доме Демут-Малиновского, близ Мойки. Рядом располагалась школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, куда осенью того же года поступил Лермонтов.

Николай Васильевич занимался с девочками историей, географией, русской грамматикой. По вечерам принимал гостей. Девочки не выходили из своей комнаты, но подглядывали в окно, которое выходило в прихожую.

Анна и Лиза побывали с братом в театре. Это мог быть Александринский театр. Александринский – императорский театр и вместе с тем общедоступный. Кресла и ложи – для знати. Скамьи внизу, верхний ярус и галерка – для зрителей других сословий. На сцене обычно ставили водевили с роскошными декорациями и эффектными костюмами актеров. Не только спектакль, но и само великолепное здание театра, ярко освещенный зал, нарядные дамы в ложах произвели сильное впечатление на провинциальных девочек. «Шумною и довольною толпой зрители спускались по извилистым лестницам. <...> Внизу раздавался крик жандармов и лакеев; дамы, закутавшись и прижавшись к стенам и заслоняемые медвежьими шубами мужей и папенок от дерзких взоров молодежи, дрожали от холоду – и улыбались знакомым. Офицеры и штатские франты с лорнетами ходили взад и вперед, стуча одни саблями и шпорами, другие калошами» (М. Ю. Лермонтов, «Княгиня Лиговская»). В этой суматохе извозчик, нанятый Гоголем, уехал и увез зеленые капоры девочек. Пришлось покупать новые. Опять одинаковые, но другого цвета – розовые.

Наконец наступил день приема в институт. Матрена под руководством Гоголя завивала еще сонных девочек, потом на них надели драдедамовые платья шоколадного цвета. Такими они предстали перед начальницей ин-

* 8 сентября 1828 года. Т. 10. Письмо 81.

ститута Л. Ф. Вистингаузен. Она привела девочек в класс и отрекомендовала: сестры Гоголя. Девочки были очень смущены. На уроках Гоголя они всегда чувствовали неловкость, отказывались отвечать и, кажется, вздохнули с облегчением, когда он покинул институт.

Гоголь резко менял мнение о способностях сестер. Еще несколько лет назад он с восхищением писал об успехах Анны: «Я предрекаю, что это удивительное дитя будет гений, какого не выдввали»*. Теперь, сравнивая сестер с другими воспитанницами, Гоголь с огорчением писал матери, что Анна и Лиза не отличаются способностями, диковаты, необщительны, провинциальны. Им надо догонять остальных. К тому же девочки прибыли в институт раньше нового набора, поэтому первые полгода они мало учились, больше просто играли. В результате сестры пробыли в институте семь лет вместо шести.

Гоголь постоянно жаловался на скверный климат не только Петербурга, но и средней России. Мелко морозящий дождь вызывал у него приступы тоски. Анна и Лиза тоже сменили мягкий климат Полтавской губернии на сырой и холодный Петербург. Надо еще учесть, что со времен Екатерины II и Ивана Бецкого, реформаторов образования, большое внимание уделялось закаливанию воспитанников и воспитанниц. Александра Смирнова-Россет вспоминала, как в Екатерининском институте они разбивали молоточком ледяную корку и умывались этой водой. После проветривания, по ее словам, температура в классах была около 13 градусов по Реомюру, то есть не более 16 градусов по Цельсию. Очевидно, так было и в Патриотическом институте. Но сестры никогда не жаловались на холод и простуды, что подтверждал и Гоголь. «Дети, слава Богу, здоровы и, кажется, никакого влияния не произвел на них климат»**.

Есть множество свидетельств о плохом питании в казенных учебных заведениях. Как-то на балу бывшая воспитанница Смольного рассказала об этом Николаю I. Он не поверил, но неожиданно явился на кухню Смольного с проверкой и убедился в правоте институтки. Смирнова-Россет вспоминала, что в Екатерининском институте их кормили скверным супом и пирогом из серой муки с начинкой из моркови. Впрочем, «хлеба всегда было много, и мы делали тюрю, были сыты и здоровы»***. Как было в Патриотическом институте, можно судить по немногим довольно скудным сведениям. «Мы вставали, молились, пили сбитень или молоко, шли в классы, обедали, играли, опять шли в классы, полдничали ржаным хлебом с квасом», – вспоминала выпускница института (1; 744). После разнообразной и сытной украинской кухни казенная еда должна была показаться сестрам очень скудной, но они никогда не жаловались. Лиза, правда, вспоминала, что в институте не пила чай и молоко. Оно ей казалось слишком синим. Но объясняла тем, что была слишком прихотлива.

Гоголь регулярно писал матери о повседневной жизни, здоровье и успехах сестер. «Лиза уже совсем перестала упрячиться, Анна тоже расположена учиться»****. «Одно только меня смущает, это характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов. Это все из нее вывели. На нее не жалуются, ею бывают даже иногда довольны»****. Интересно сравнить это письмо с воспоминаниями Елизаветы Васильевны. «Жизнь в институте довольно приятна и легка, дамы классные нас любили» (1; 181). Сестер, по их же вос-

* Т. 10. Письмо 89.

** Т. 10. Письмо 163.

*** Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 147–148.

**** Май 1833 года. Т. 10. Письмо 169.

***** Октябрь 1833 года. Т. 10. Письмо 180.

поминаниям, не наказывали. Или это были незначительные наказания. Лиза боялась начальницу института, но это был чисто иррациональный страх. Никогда Луиза Федоровна ни Лизу, ни Анну не наказывала. Какие же опытные педагоги служили в Патриотическом институте, если Лиза даже не заметила, как «вывели» ее дурные привычки.

Один из принципов организации обучения в институте – изоляция от среды. Он заложен еще Екатериной II и Бецким и восходит к идеям Просвещения. Весь период обучения воспитанницы не покидают институт. Их могут навещать родственники. За семь лет Мария Ивановна Гоголь ни разу не приехала навестить дочерей. Конечно, дорога дальняя и трудная. И все-таки.

Когда Гоголь покинул институт и уехал за границу, он просил друзей, Данилевского и Прокоповича, навещать девочек. Гоголь писал из Рима 3 июня 1837 года Николаю Прокоповичу: «Пожалуйста, побывай в институте, наведайся к моим сестрам... не нуждаются ли они в чем... они, бедненькие, я думаю, скучают»*. Прокоповичу это было несложно: он жил на Васильевском острове, на девятой линии. Но Анна и Лиза, кажется, не скучали. После родного дома, который уже взрослая Анна Васильевна назовет «безалаберным», жизнь по расписанию благотворно влияла на здоровье и характеры девочек. «Я довольно счастлива была в институте, особенно последнее время, со всеми помирилась, и мне легко было на душе», – вспоминала Елизавета Васильевна (1; 181).

Как и старшая из сестер Маша, Лиза проявляла интерес к литературному творчеству. У нее была толстая тетрадь собственных сочинений «Комедии и сказки». Позднее Елизавета Васильевна оставит воспоминания о себе и семье Гоголей. Лиза подружилась с одной из классных дам – М. А. Мелентьевой, часто бывала у нее в комнате, делала там уроки, угощала конфетами. Гоголь в письмах часто упоминает Мелентьеву, называет ее «доброй» и «милой».

За семь лет Патриотический институт стал для сестер родным домом. Когда они вышли из института и около месяца оставались в Петербурге, то побывали в институте четырнадцать раз.

Глава 7. «Но грустно думать, что напрасно...» (после выпуска)

Покинув институт, Гоголь не забывал о сестрах и писал им письма. С пониманием детской психологии он увлекательно рассказывал в них о путешествии на пароходе, о немецких городах, о праздниках в Риме. Сестры выросли, менялся характер писем и подарки. В апреле 1839-го Гоголь прислал сестрам из Рима по кольцу и булавке, сопроводив любопытным письмом. «Глядите на них больше, чем просто на кольца и булавки... к ним прижалась, прицепилась и прилетела вместе с ними часть моих чувств и любви моей к вам. Как эти кольца сожмут и охватят пальцы ваши, так сжимает и обхватывает вас любовь моя. Как эта булавка застегивает на груди вашей козынку, так хотел бы я вас хранительно застегнуть и оградить, и укрыть от всего, что только есть горького и неприятного на свете»**. Правда, знакомый слог? Ну конечно, монолог Хлестакова: «Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку». Сам Гоголь как-то признался Льву Арнольди***, что «большую часть своих пороков и слабостей

* Т. II. Письмо 46.

** Апрель 1839 года. Т. II. Письмо 105.

*** Лев Иванович Арнольди (1822–1860), сводный брат А. О. Смирновой-Россет. Чиновник по особым поручениям при калужском губернаторе, позднее – вице-губернатор.

он передавал своим героям, осмеивая их в своих повестях, и таким образом избавлялся от них навсегда» (2; 383). Но «Ревизор» написан раньше письма сестрам. И это не единственный случай, когда автор вдруг начинает говорить языком своих героев.

В январе 1840-го должен был состояться выпуск в Патриотическом институте. Гоголь решил забрать сестер на месяц раньше, о чем сообщил матери: «Я не хочу, чтобы они дожидались этой кукольной комедии... немного есть, чем бы щегольнуть при публике»*. А еще раньше, в сентябре 1839-го, он писал сестрам: «Знаете ли, какую жертву для вас делаю»**.

Гоголю очень не хотелось ехать в Россию, да еще зимой. Кроме того, нужны были деньги на платья, шляпки, теплую зимнюю одежду и множество мелочей, необходимых девицам, которые семь лет жили за казенный счет.

Гоголь хотел, чтобы сестры были модно одеты. Сам он с юности стремился следовать моде. 26 июня 1827 года восемнадцатилетний Гоголь писал из Нежина в Петербург своему приятелю Высоцкому: «Какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны... какой-то у вас модный цвет на фраки. Мне бы очень хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами»***. В первые годы жизни в Петербурге Гоголь удивлял столичных знакомых пестротой костюма. Со временем он стал одеваться строже, хотя иногда позволял себе экстравагантные наряды. Светло-голубой жилет Гоголя в сочетании с малиновыми панталонами Смирнова-Россет называла «малина со сливками» (2; 256). Пожалуй, только к жилетам разных цветов и материй Николай Васильевич сохранил любовь на всю жизнь. Чтобы одеть сестер и переехать с ними в Москву, ему нужно было 4000 рублей. Гоголь надеялся на помощь друзей и меценатов. «Может быть, государыня, на счет которой они воспитывались, что-нибудь стряхнет на них от благотельной руки своей», – делился он надеждами с В. А. Жуковским в ноябре 1839 года****.

До отъезда в Москву Анна и Лиза жили в доме генерала П. И. Балабина***** на Английской набережной. Когда-то Гоголь был учителем младшей дочери Балабиных, Марии*****. С ней Анна и Лиза быстро подружились. С хозяевами и гостями дома они чувствовали себя неловко. Сестры были болезненно-застенчивы, а потому за столом почти ничего не ели и страдали от голода.

Пришла пора покинуть Петербург. По гладкой зимней дороге добрались до Москвы. Остановились в доме профессора-историка М. П. Погодина***** на Девичьем поле. Зная любовь Гоголя к солнцу и теплу, ему отвели самую светлую комнату с двумя окнами и балконом. Помещалась она на высоком втором этаже над громадным залом. Солнце заливало ее с рассвета и до середины дня. Сестры поселились в комнате напротив, тоже очень светлой, с большим итальянским окном в сад. Выйдя в коридор, они через стеклянный купол могли видеть зал. «Замечательная зала у Погодина: громадная, круглая, наверху купол, кругом решетки, с одной комнаты в другую переходили по той решетке, страшно было смотреть вниз. Половина этой залы, от пола до верха, завалена старинными бумагами», – вспоминала Ольга (1; 198).

* 24 октября 1839 года. Т. II. Письмо 134.

** Т. II. Письмо 124.

*** Т. II. Письмо 59.

**** Т. II. Письмо 116.

***** Петр Иванович Балабин (1876–1855), жандармский генерал.

***** Мария Петровна Балабина (1820–1901), в замужестве Вагнер.

***** Михаил Петрович Погодин (1800–1885), известный историк, профессор Московского университета, академик Императорской академии наук (с 1841-го).

Погодины, как и Аксаковы, старались предупредить каждое желание писателя. Только Аграфена Михайловна, мать профессора, не разделяла всеобщего обожания, могла возразить Гоголю, даже сделать замечание. У Николая Васильевича была привычка быстро проходить по комнатам, с шумом распаивая двери. Потоки воздуха даже гасили свечи. Тогда Аграфена Михайловна кричала горничной: «Груша, а Груша, подай-ка теплый платок, тальянец (так она называла Гоголя, приехавшего из Италии. – *Н. А.*) столько ветру напустил, так страсть!» (2; 526).

По утрам Гоголь вязал шарфы и ермолки, чем очень удивлял маленьких детей профессора. Потом он писал за конторкой. Праздности Гоголь себе не позволял. Того же требовал от сестер. Анна и Лиза должны были вышивать или заниматься переводами. Какое-то время он очень надеялся приобщить их к литературной работе. Они переводили с немецкого и французского, но заметных успехов не добились. Гоголь заботился о духовном здоровье сестер и попросил архимандрита Макария* наставить их на путь истинный. Сестрам не хотелось слушать проповеди, но пришлось подчиниться. Надо было сидеть, склонив головы, и повторять «Помилуй мя, Боже!». Иногда Макарий погружался в свои мысли и даже дремал. Сестры осторожно поднимали головы, переглядывались, смеялись. Однажды у них так заболели виски и затылки, что они расплакались. Анна и особенно Лиза плакали часто и легко. На этот раз Макарий «приписал их слезы умилению и везде об этом рассказывал», – вспоминала Елизавета Васильевна (1; 184).

Гоголь возил сестер в театр и на литературные вечера к Аксаковым, Хомяковым, Елагиным. Мнение столичных литераторов о сестрах Гоголя было единодушным и совсем не лестным для них. «Это были такие дикарки, каких и вообразить нельзя... в новых длинных платьях совершенно не умели себя держать, путались в них, беспрестанно спотыкались и падали, отчего приходили в такую конфузию, что ни на один вопрос ни слова не отвечали», – писал С. Т. Аксаков (2; 684). Дочь Аксакова Вера объясняла это оторванным от жизни институтским воспитанием: «Боже мой, что за понятия, что за мир, в котором они живут, что за дети!» (2; 806). Профессор Погодин в дневнике высокомерно и грубо записал: «Какие деревяшки Гоголевы сестры» (2; 472). Обидно и несправедливо. Анна и Лиза были умнее, наблюдательнее, образованнее, чем казались. А виною была их болезненная застенчивость. Они видели отношение окружающих, страдали, но не могли ничего изменить. «Наша мучительная застенчивость, вероятно, сильно смахивала на глупость», – вспоминала позднее Анна Васильевна (1; 167).

Сестры уставали от постоянного напряжения и только в комнате Аграфены Михайловны чувствовали себя легко и свободно. Она пристрастила сестер к игре в карты. Азарт карточной игры заразителен. Карты – источник многих жизненных драм и литературных сюжетов. Карты доводят до безумия Германна (А. С. Пушкин, «Пиковая дама»), до отчаяния – Николая Ростова (Л. Н. Толстой, «Война и мир»). В жизни случались совершенно фантастические проигрыши. В 1802 году князь Александр Николаевич Голицын проиграл в карты графу Льву Кирилловичу Разумовскому свою жену, Марию Гавриловну. Это случилось задолго до появления поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша».

Но были и другие карты. Приятное времяпрепровождение. Игра скрашивала долгие зимние вечера. «Соседи поминутно ездили к нему поесть, попить,

* Архимандрит Макарий Алтайский (Глухарев) (1792–1847). Известный миссионер и выдающийся переводчик Священного Писания на русский язык.

поиграть по пяти копеек в бостон» (А.С. Пушкин, «Метель»). Помещица Анна Федоровна Зайцева играла с братом «по полкопейки» (Л.Н. Толстой, «Два гусара»). У сестер и этих копеек не было. Они играли исключительно для удовольствия. Однажды их застал за картами профессор Погодин. Он был разгневан, стыдил мать. Сестры были страшно смущены.

В апреле 1840-го в Москву приехали Мария Ивановна Гоголь и ее младшая дочь Ольга. Мария Ивановна решила все-таки на трудное путешествие, чтобы забрать домой Анну и Лизу и повидать сына. Николай Васильевич не хотел, чтобы сестры возвращались в Васильевку. Надеялся, что в Москве у них больше возможностей найти состоятельных женихов. Но оказалось, что его друзья и знакомые не могут принять в дом сестер писателя хотя бы на год. «Гоголь просит меня взять его бедненьких сестер, а мне некуда... необходимость отказать ему и себе в счастье быть бедным Гоголицам полезной огорчает меня неизъяснимо», – писала Авдотья Петровна Елагина* Василию Андреевичу Жуковскому 17 февраля 1840-го (2; 131). В начале мая 1840-го Мария Ивановна, Анна и Ольга уехали. Лизу удалось пристроить в дом добродетельной, очень религиозной вдовы Прасковьи Ивановны Раевской. Это было настоящее женское царство: двоюродная сестра хозяйки, племянница, гувернантки и приживалки. Через два года Лиза вернулась в Васильевку. Гоголь мечтал устроить жизнь сестер в Петербурге или Москве, они тоже надеялись на счастливое замужество. Не сбылось. Анна и Лиза возвратились домой, и возвращение их не было радостным.

Глава 8. «Он слишком высоко стоял над нами»

Вслед за Анной Васильевной Гоголь эти слова (1; 167) могли бы повторить многие современники писателя.

«Русь! Чего же ты хочешь от меня? <...> Что глядишь ты так и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?» Известные строки из «Мертвых душ» вовсе не поэтическое преувеличение. Гоголь к сороковым годам уверовал в свою великую миссию быть не только писателем, но и учителем, наставником русского общества, едва ли не пророком.

Даже в манерах Гоголя стала заметна несколько театральная значительность. Казалось, что он обращается к своим слушателям с недосыгаемой высоты. Гоголь «играет роль углубленного в думы человека», ходит в аристократические дома, а там «с подобострастием слушают его молчание», писал из Рима граф Толстой**.

«Я (Николай Некрасов. – *Н. А.*), Белинский, Панаев и Гончаров надели фраки и поехали представляться. <...> Гоголь и принял нас, как начальник принимает подчиненных» (3; 643). С тех же высот Гоголь обращался к актерам Александринского театра. «Хорошо, Мартынов, я доволен. <...> Вы (актриса Вера Самойлова. – *Н. А.*) и Мартынов помирили меня с русской сценой» (3; 641). «Никогда так свысока не хвалил нас и государь!» – вспоминала Вера Васильевна Самойлова (3; 641).

У Гоголя была привычка скатывать из хлеба шарики. Как-то он наполнил ими бокал и протянул сидящей рядом с ним за столом даме: «В этих шариках много моих мыслей» (2; 540). Это уже похоже на манию величия.

* Авдотья Петровна Елагина (1789–1877), в первом браке Киреевская, мать братьев Ивана и Петра Киреевских.

** Федор Петрович Толстой (1783–1873), вице-президент Академии художеств.

Раньше других и очень болезненно почувствовали, как изменился Гоголь, его сестры. Летом 1842 года четыре сестры снова оказались в Васильевке, но долгая разлука сделала их чужими. Когда девочки Анна и Лиза уезжали в Петербург, Мария уже вышла замуж. Вернулись взрослые барышни. Анна почти через восемь лет, Лиза почти через десять. Ольга была на четырнадцать лет моложе Марии, называла ее на «вы» и не могла быть подругой. Ольга была очень одинока. Анна и Лиза бойко болтали по-французски, а до нее долетали лишь отдельные слова. Она была глуховата.

Сестры много лет переписывались с братом, но неожиданно стали получать от него очень странные письма. Иногда им казалось, что пишет какой-то незнакомый и очень строгий человек, совсем не похожий на их доброго и веселого брата. «Письма его вечно полны наставлений и выговоров... даже со страхом мы распечатываем письмо, и почти никогда не обманывает нас предчувствие; нет, он теперь совсем переменялся», – писала Лиза Вере Аксаковой 10 декабря 1845 года (1; 175).

Гоголь был неумолим, не знал снисхождения, требовал, чтобы с одного, очень важного, письма каждая из сестер сняла копию и перечитывала. «Прочитавши один раз письмо это, пусть не думает никто, что он уже понял его совершенно. Нет, пусть дождется более душевной минуты, прочтет и перечтет его! Всего лучше пусть каждая прочтет его во время говенья, за несколько часов перед исповедью, когда уясняются лучше наши очи»*.

Гоголь требовал, чтобы веселая и лукавая Лиза перестала кокетничать, а на мужчину смотрела только как на брата. Анна должна была преодолеть лень, а для этого учить греческий язык и обливаться холодной водой. Анна не понимала, зачем ей это и с кем она будет говорить по-гречески. Гоголь дал сестрам задание описать каждый дом в Васильевке. Вопросов следовало задать множество. Мужа расспросить о жене, жену – о муже. Соседей – об этой семье. Потом составить подробный отчет «и Боже вас сохрани наврать что-нибудь от себя», предупреждал Гоголь**. «Издали буду управляться лучше вас»***, – самонадеянно заявлял Гоголь.

Теперь Гоголь уже не хотел, чтобы сестры выходили замуж. Они должны были устроить в Васильевке что-то «вроде монастыря или странноприимного дома» (1; 151). Они не должны принадлежать себе, но всем претерпевшим несчастья. Пусть все страждущие найдут утешение в их доме. Ольга горячо поддержала брата. Но Анна и Лиза не собирались утешать страждущих. Они хотели просто жить. Пользовались каждой возможностью поехать в гости в Полтаву, в Сорочинцы, особенно ждали Рождества. Шумная компания переезжала от одних помещиков к другим. Устраивали танцы и маскарады. Лиза обычно наряжалась цыганкой. Анна надевала тирольский костюм, Ольга – русский. С танцами было сложнее. «Замечательно, какая бедность у нас была на кавалеров, даже стариков мало. Решительно все соседи – вдовы с дочерьми», – вспоминала Ольга (1; 201).

Событием были приезды в Васильевку генерал-майора Андрея Трошинского****, двоюродного брата Марии Ивановны. По воспоминаниям Ольги Гоголь, он приезжал «всегда с шиком» (1; 200). Сложился особый ритуал. Сначала верховой сообщает, что через два дня придет генерал. На другой день верховой напоминает, что завтра к обеду... На третий день верховой преду-

* Март-апрель 1843 года. Т. 12. Письмо 119.

** Январь-май 1844 года. Т. 12. Письмо 190.

*** Январь-май 1844 года. Т. 12. Письмо 190.

**** Андрей Андреевич Трошинский (1774–1852), генерал-майор, участник сражения при Фриланде. С 1811-го в отставке по болезни.

преждает, что генерал едет. Мария Ивановна и дочери уже на крыльце ждут. Появляется еще один верховой, за ним карета с двумя форейторами. Два лакея открывают дверцы. Выходит высокий тоненький подросток четырнадцати лет – Дмитрий Андреевич. И только потом два лакея высаживают седого старичка (1; 200). Но генерал старел, болел. Его мучила подагра. Последние годы он уже не покидал свое имение Кагарлык под Киевом и приглашал Анну и Лизу приехать. Они гостили в доме генерала всю зиму 1850 года и очень скучали. Все изменилось, когда в Кагарлык прибыл саперный полк.

Глава 9. «И им сулили каждый год мужьев военных и поход» (замужество Лизы)

В гоголевские времена на некоторых зданиях можно было видеть табличку «Свободен от постоя», то есть от размещения военных.

*Я в доме у вас не нарушу покоя.
Смирнее меня не найти из полка.
Но если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка.*

Так пелось в старинном романсе. Приход военных сулил большие неудобства хозяевам, но девицам на выданье давал надежду найти жениха. Генерал Трошинский охотно принимал военных. Когда в Кагарлыке разместили саперный полк, в доме генерала каждый вечер собирались офицеры. Анна и Лиза, проводившие зиму у своего богатого родственника, принимали гостей на правах хозяек. Анна научилась преодолевать свою застенчивость. Со стороны ее поведение могло показаться слишком свободным и раскованным для девицы. Она громко смеялась и даже играла с офицерами в карты. Лиза скромно сидела рядом, иногда позволяла себе игру в шашки. Сестрам нравился капитан Владимир Быков. Лиза была уверена, что он ухаживает за Анной. С ней он оживленно переговаривался во время карточной игры. Каково же было удивление Лизы, когда во время игры в шашки Быков сделал ей предложение.

Гоголь принял известие о предстоящей свадьбе Лизы как приближение беды, пытался удержать сестру от роковой ошибки. «Шаг твой страшен: он ведет тебя либо к счастью, либо в пропасть»*. Он призывал Лизу отправиться в Диканьку, припасть к иконе Николая Чудотворца, молиться. Сестры Анна и Ольга должны были к ней присоединиться. В Диканьку следовало идти пешком (25 верст!).

Было время, когда Гоголь хотел выдать сестер замуж. Между тем с годами усиливался его иррациональный страх перед браком, который, по мысли Гоголя, несет опасность не только отдельному человеку, но и государству. Необходимость содержать детей и расточительных жен толкает порядочных людей на преступления, делает их ворами и грабителями. «Россия наполнилась разоряющими ее чиновниками»**, – писал Гоголь матери 5 июня 1851 года.

Чудачества и страхи жениха в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» доведены до абсурда. «Жить с женою! Непонятно! Он не один будет в своей комнате, но их должно быть всегда двое! Пот проступал у него на лице, по мере того, чем более углублялся он в размышления». Три восклицания

* После 22 мая 1851 года. Т. 14. Письмо 223.

** Т. 14. Письмо 224.

цательных знака в коротком тексте показывают, как велики напряжение и тревога. За исключением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», в сочинениях Гоголя почти нет любовных сюжетов.

*Коляска на бок. – «Филька, Васька!
Кто там? скорей! вон там коляска.
Сей час везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он?»*

Графа Нулина встречает очаровательная Наталья Павловна. Чичикова в той же самой ситуации – немолодая вдова Настасья Петровна Коробочка, недоверчивая, туповатая и расчетливая одновременно. Какая уж тут любовь!

Бегство от любви – повторяющийся гоголевский мотив. Подколесин даже в окно выпрыгивает накануне венчания. А как же сам Гоголь? Была ли в его жизни любовь к женщине? Эту загадку биографы писателя так и не разгадали. 24 июля 1829 года Гоголь пишет почти безумное письмо: «Маменька, дражайшая маменька! Я знаю, вы один истинный друг мне... одним вам я только могу сказать... нет, не назову ее... она слишком высока для всякого, не только для меня. Я бы назвал ее ангелом, но это выражение – не кстати для нее. Это – божество, но облаченное слегка в человеческие страсти. Лицо, которого поразительное блистание, в одно мгновение печатлеется в сердце; глаза, быстро пронзающие душу, но их сияния, жгучего проходящего насквозь всего не вынесет ни один из человеков. <...> Адская тоска, с возможными муками, кипела в груди моей. О, какое жестокое состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен. Нет, это не любовь была. <...> В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только взглядом, только одного взгляда алкал я. <...> Но, ради Бога, не спрашивайте ее имени. Она слишком высока, высока!»*.

Кто же эта роковая для Гоголя женщина? И каково в этом письме соотношение реальности и фантазии? Больной фантазии! Скорее всего, тень этой женщины мелькнула в письме Гоголя к Александру Данилевскому 10 марта 1832 года: «Повелительница моего южного сердца томительнее и блистательнее твоей кавказской»**. В этом письме нет уже экзальтации, но ведь и прошло почти три года. А тогда, в июле 1829-го, Гоголь покинул Петербург, уехал в Германию. В недавно вышедшей книге высказано предположение, что речь идет о Смирновой-Россет: «Возможно, что влюбленный Н. В. Гоголь даже ревновал Смирнову к Лермонтову»***. С этим аргументом даже спорить нелепо. Лермонтову в июле 1829 года еще не исполнилось 15 лет. Смирнова и Лермонтов познакомятся только в конце 1830-х.

О влюбленности Гоголя в Смирнову писали еще в XIX веке. Но что это была за влюбленность? Между Гоголем и Смирновой не было страсти, тем более страсти разрушительной. Гоголь не мог написать о Смирновой «она слишком высока». Это было общение равных, они понимали друг друга, много шутили, смеялись. Их связывала не любовь, но нечто большее, чем любовь, – родство душ. «Гоголь радостный, счастливый ее присутствием... казалось, лучи шли

* Т. 10. Письмо 89.

** Т. 10. Письмо 129.

*** Смирнова И. А. Александра Смирнова-Россет в русской литературе XIX века. СПб.: Алетейя, 2021. С. 464.

от него, так он был светел. Межу ними как бы устанавливалась постоянная гармония и понимание», – писал Константин Аксаков (2; 799).

Биографы не нашли серьезных увлечений и даже легких влюбленностей Гоголя. Было, правда, странное сватовство писателя к Анне Михайловне Виельгорской*. Его даже трудно назвать сватовством. Гоголь через Алексея Веневитинова, женатого на старшей дочери Виельгорских, попытался выяснить, как это будет воспринято. Ему дали понять, что сватовство совершенно невозможно (2; 77). Луиза Карловна и Михаил Юрьевич Виельгорские**, принадлежавшие к аристократическому кругу, были неприятно удивлены, не понимали, как подобная мысль могла прийти Гоголю. Дворянин, к тому же известный писатель, он все-таки не мог претендовать на родство с аристократами. Анна Васильевна Гоголь категорически отрицала саму возможность сватовства: «Он не думал о женитьбе, всегда говорил, что он не способен к семейной жизни... довольно прочесть переписку брата с Виельгорской» (1; 156). Но именно письма Гоголя к Анне Михайловне позволяют допустить, что сватовство было. При этом будущий союз виделся Гоголю очень своеобразно. Возможно, было поклонение. «Может быть, я должен быть не что другое в отношении вас, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего» (2; 77). Но прежде всего было желание стать духовным наставником молодой женщины. «Бросьте всякие, даже малые выезды в свет: вы видите, что свет вам ничего не доставил. Вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку хотели пройти жизнь, и нашли мелочь и пошлость» (2; 77).

На свадьбу Лизы Гоголь так и не приехал. Он уже отправился в путь, но вернулся. Николай Васильевич объяснял потом, что почувствовал себя плохо, но, может быть, ему помешал иррациональный страх. Гоголь прислал Лизе в подарок четырехместную коляску и дорожный портфель, в нем были принадлежности для письма: бумага, чернильные перья (1; 215).

Лиза почти тридцать лет прожила в тепличных условиях. И в институте, где все решали за нее, и в родном доме, где у нее не было никаких обязанностей. Теперь для Лизы, по-прежнему похожей на избалованного ребенка, начиналась трудная жизнь офицерской жены. С частыми переездами, сменной квартир, долгими разлуками с мужем, когда этого требовала служба. «Поход! <...> Перемена квартир – эпоха в военной жизни. <...> Месяца за два начинаются приготовления, и вот настает долгожданная минута, трубачи... дают сигнал, конные строи трогаются, затягивают удалую песню и с Богом выступают на широкий путь! Привалы, обеды, ночлеги, дневки следуют длинной чередой» (Е. А. Ган, «Суд света»). Повесть Елены Ган, известной писательницы и офицерской жены, была впервые опубликована в журнале «Библиотека для чтения» в 1840 году. Но и через десять лет походная жизнь для семей военных не стала легче.

В 1862 году подполковник Владимир Иванович Быков, командир саперного батальона в Тифлисе, получил назначение в Гура-Кальварию близ Варшавы. Он поехал один, чтобы подыскать квартиру для семьи, в которой было уже пятеро детей. Ничего не предвещало беды, когда Елизавета Васильевна, гостившая с детьми в Васильевке, получила известие о смерти мужа. Про-

* Анна Михайловна Виельгорская (1818–1884), в замужестве княгиня Шаховская.

** Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856), граф, действительный тайный советник, обер-шенк двора великой княгини Елены Павловны. Композитор, музыкальный деятель, и. о. попечителя Харьковского учебного округа. Луиза Карловна Виельгорская, урожденная герцогиня Бирон (1791–1853). Фрейлина.

жив десять лет в браке, тридцатидевятилетняя Лиза осталась вдовой. Та же участь офицерской вдовы ждет и Ольгу Гоголь.

В 1850-м Павел Федотов написал картину «Вдовушка». Молодая женщина в трауре, рядом портрет ее мужа, возможно, погибшего во время Венгерского похода Русской армии 1849 года. Участниками этого похода были Владимир Быков и Яков Головня, муж Ольги. Часто сравнивают героев, сюжеты, колорит картин Павла Федотова и петербургских повестей Николая Гоголя. Есть еще одно сближение, странное, можно сказать – мистическое. Федотов и Гоголь умерли в один год (1852-й) и оба похоронили себя раньше смерти. Портрет офицера на картине «Вдовушка» – это автопортрет самого художника. Гоголь за шесть лет до смерти написал завещание, опубликовал его, включил в книгу «Выбранные места...». Завещание было написано так, будто дни писателя сочтены. Этим он страшно напугал мать и сестер. Последние месяцы Гоголь как будто перестал жить, сопротивляться болезни, умирал себя голодом.

Елизавета Васильевна пережила мужа только на два года. Пятерых детей Быковых, Николая, Юрия, Варвару, Анну и Марию, будет воспитывать Анна Васильевна. Николай Владимирович Быков, как и его отец, стал военным. Он служил в Нарвском гусарском полку и женился на дочери командира этого полка Марии Александровне Пушкиной, внучке великого поэта, дочери его старшего сына (1; 316).

Последние годы Анна Васильевна жила в Полтаве, в собственном доме. Она переписывалась с биографами Гоголя, получала и регулярно читала журналы «Русская старина», «Исторический вестник», «Вестник Европы». Внимательно следила за всеми материалами, посвященными Гоголю. Если была с чем-то не согласна, высказывалась эмоционально, категорично, резко. «Меня очень огорчила статья Белозерской! Как она оклеветала брата! <...> Теперь еще не успокоилась после зловерной статьи этой госпожи! <...> Еще не все сказала, что накипело на сердце!» (1; 150, 151), – писала Анна Васильевна П. А. Кулишу, одному из первых биографов Гоголя. Она была самокритична: «Такая уродилась бездарная, нетерпеливая, ленивая, не способная думать... не в силах ничего написать из воспоминаний» (1; 150). А жаль! Характер, темперамент, собственный взгляд на события – все есть в ее письмах. Умерла Анна Васильевна в 1893 году. Только младшая из сестер, Ольга, встретила XX век.

Глава 10. Переломившая судьбу (Ольга)

Родиться под счастливой звездой – это не про Ольгу Гоголь. Ее звезда была несчастливой. Двенадцатый ребенок в семье, она появилась на свет слабенькой. Одна нога у девочки была немного короче другой. Палец на правой руке обезображен. Ольга родилась 19 марта 1825 года, а 31 марта умер ее отец. Вдова отдалась своему горю, забыв о детях, даже о новорожденной. Дети остались на попечении родственников и прислуги. Но у семи нянек дитя без глаза. Ольга росла болезненной. Страдала золотухой и рахитом. Только на пятом году жизни начала ходить. В шесть лет по недосмотру взрослых с ней случилась беда, ставшая на долгие годы преградой между нею и окружающим миром. Ольга вспоминала, что у нее болело ухо, его затыкали корпией*. Однажды девочка протолкнула корпию слишком далеко. Взрослые заметили не сразу. Знахарка вытащила корпию палочкой. Потеря

* Корпия – материал из нитей льняной и хлопковой ветоши, использовалась для перевязок.

слуха была не полной, но значительной. Странно, что девочку даже не показали врачу. Можно ведь было отвезти ее в Полтаву или пригласить врача из города.

Когда Ольге исполнилось семь лет, старшая сестра, Мария, начала учить ее грамоте. Учение шло плохо. Девочка улавливала лишь отдельные слова, они плохо складывались, были лишены смысла. В семье не только считали, но и открыто называли Ольгу «тупой». Это было обидно и несправедливо. Восьми лет Ольгу отвезли за шесть верст к соседним помещикам. С их детьми она получила начальное образование. Запомнились ей уроки музыки. Учитель больно дергал за волосы. Когда Ольга сама коротко остригла их, учитель стал бить по рукам. Нот она не знала. Кое-как, по слуху, все-таки разучила несколько музыкальных пьес. Когда освоила мажурку, учење закончилось. У Гоголя были планы устроить Ольгу в Патриотический институт, но, позанимавшись с ней, он понял, что подготовить ее невозможно.

В 13 лет Ольга продолжила образование в доме помещика И. А. Горбовского, бывшего полтавского прокурора. Теперь он жил за 200 верст от Васильевки, в Переяславском уезде, приглашал учителей и гувернанток для своих детей. Он охотно принял в дом дочь своего старого друга, Василия Афанасьевича Гоголя. Два года девочка училась языкам и музыке. К 15 годам Ольга окрепла, не мучили уже детские болезни, и в ней пробудилось желание учиться. Она много читала, записывала прочитанное по памяти, проверяла по книге. Прошли годы упорного труда. Ольга научилась грамотно писать по-русски. Читала она не только по-русски, но и по-французски и по-немецки. Занималась Ольга и арифметикой. Соседка научила ее считать на счетах. Это пригодится в будущем, когда Ольга станет хозяйкой имения.

Ольга много занималась музыкой. Теперь она уже знала нотную грамоту, любила разбирать ноты, которые присылал брат. Когда устраивали танцы, Ольга обычно сидела за фортепьяно. Ее успехи оценил биограф Гоголя Пантелеймон Кулиш: «Глухота не мешает ей исполнять малороссийские напевы на фортепьяно со вкусом и характером» (1; 389). Лунными летними ночами Ольга собирала горничных, они садились на плотик, плыли по тихой глади пруда и пели. А на берегу пели другие девушки. Нравилось ли крепостным девушкам это ночное пение? Скорее всего, да. Теплыми летними вечерами и ночами собираться большими группами и петь – давняя в этих краях традиция, и прочная. В 1936 году во время поездки по Украине Корней Чуковский записал в дневнике: «Вышел в сад: настоящая опера. Огромная украинская луна, вдали тополя, несколько яблонь... справа, слева, сзади, спереди хоровое пение!!!»*.

Самым большим праздником для Ольги были приезды брата. Они родились в один день, 19 марта, с разницей в 16 лет, и это казалось ей добрым знаком. Николай Васильевич всегда был для Ольги идеалом человека. Все в нем ей нравилось: что и как говорил, как одевался. С детства Ольге принадлежало право приглашать брата к обеду, чем она дорожила и гордилась. Она бесшумно подкрадывалась к двери его комнаты, приоткрывала ее и торжественно произносила: «Братец, маменька просят обедать». Она замечала, какой ему нравится соус, какое пирожное, и напоминала маменьке, когда та давала распоряжения повару. Особой радостью было пришить пуговицу к жилету или сюртуку брата. Если он благодарил, Ольга была счастлива. «Всякий раз его улыбка меня в восторг приводила» (1; 204).

* Чуковский К. И. Дневник: В 3 т. Т. 3.: 1936–1969. М.: ПРОЗАНК, 2011. С. 22.

С детства Ольга была очень религиозна. Гротик в саду она превратила в подобие монашеской кельи. Повесила икону, зажигала лампаду, молилась. Не пропускала ни одной службы в церкви. Ольга с матерью и сестрами ездили в Киев на богомолье. Посетили Киево-Печерскую лавру, церковь Андрея Первозванного и Михайловскую*, где хранились мощи великомученицы Варвары.

Было время, когда Ольга даже хотела уйти в монастырь. Призыв брата устроить в Васильевке странноприимный дом она приняла всем сердцем и думала, чем может быть полезной. Решила лечить людей, что нельзя назвать барской причудой. Врачи тогда были в городах и у богатых помещиков. Для крестьян – только бабы-повитухи и немногочисленные знахарки. Ольга училась по травникам и лечебникам, записывала народные рецепты. Николай Васильевич одобрял эти занятия сестры, даже гордился ею. «Бог наградила ее чудным даром лечить тело и душу», – писал он С.П. Шевыреву 18 октября 1847 года**. Николай Васильевич посылал Ольге лечебники и деньги на лекарства. Но все-таки самым доступным лекарством оставались травы.

Степи вокруг Васильевки, Диканьки, Сорочинец удивительно красивы, особенно поздней весной и в начале лета. Золотисто-желтый дрок, розовая медуница, фиолетовая мелисса, пурпурно-красная смолка, кремовый лабазник. Степные травы высоки. Когда Ольга с братом выезжали в степь, то, не выходя из брички, собирали огромные букеты цветов. А рядом с бричкой, не боясь людей, вышагивали дрофы, стрекотали кузнечики. Ольгу привлекала не только красота, но прежде всего польза трав. От болезней печени бессмертник и копытень. От нарывов смолка. Переступень и череда чистят кожу. А многие лекарства растут в саду, даже во дворе. Кора дуба от зубной боли. Крапива при ревматизме. Липы в саду, бузина у плетня: отвары цветков липы и бузины помогают при лихорадке, простуде, кашле. Розовые мальвы так красивы на фоне белых хат, а листья мальвы – пластырь на раны. Ольга не боялась инфекций, навещала больных, окуривала хаты смолкой.

За ней закрепилась слава хорошей лекарки. Ольга даже переселилась в небольшой флигель в саду. Называла его «хатынкой». В одной комнате скромная спальня, похожая на монашескую келью. Икона, узкая кровать и стол. В другой комнате она принимала больных. Там стоял аптечный шкаф со множеством ящиков. Ольга взяла в помощники крестьянского мальчика, обучила его грамоте. Деревенские девочки помогали ей собирать травы. В награду она дарила им серьги, намисто (монисты, бусы), красивые коробочки. Все это она мастерила сама из цветных стекол и проволоки. Ольга успешно освоила разные ремесла. У нее был небольшой токарный станок, слесарные инструменты. Она могла даже починить настенные и напольные часы.

На вопросы о замужестве Ольга обычно с улыбкой отвечала: «Кто же возьмет меня, старую, глухую калеку и к тому же бедную и некрасивую» (1; 259). Но вот однажды в их доме среди других гостей оказался молодой офицер, капитан Яков Головня. К удивлению всей семьи, он в первый же день знакомства попросил у Марии Ивановны руки ее младшей дочери. «Будучи во все некрасива наружностью, она сияет внутренним светом, который на все движения разливает неуловимую, но влекущую к ней прелесть», – писал об Ольге Пантелеймон Кулиш (1; 390). Наверное, этот свет и разглядел капитан Головня, почувствовал, угадал. Но Мария Ивановна ему решительно отказа-

* Михайловский Златоверхий собор в Киеве.

** Т. 11. Письмо 232.

ла, даже не поговорив с Ольгой. Возможно, из эгоизма. Она не хотела ничего менять в сложившейся жизни, а Ольга была послушной, удобной.

Вскоре началась Крымская война. Капитан Головня три раза был ранен, получил орден. В отставку он вышел майором. А в 1857-м, спустя четыре года, снова появился в доме Гоголей. Теперь Ольга сама решила свою судьбу, поверила в его любовь и дала согласие. Головня оказался заботливым мужем и хорошим хозяином. Но беспокоили старые раны. Он стал болеть и умер сорока семи лет. Ольга одна вырастила детей. Сыновья Николай и Василий, как их отец, стали офицерами. Они служили в Ахтырском драгунском полку в Белой Церкви. Дочь Маша вышла замуж. Счастливые времена в жизни Ольги всегда сменялись несчастливыми. Очень тяжелым стал для нее 1888 год, когда она потеряла двадцатипятилетнего сына Николая и двадцатисемилетнюю дочь Машу. На ее попечении остались трое детей дочери.

До последних дней жизни Ольга Васильевна оставалась деятельной, сохраняла хорошую память, интерес к жизни, к литературе. Прочитав «Исповедь» и «В чем моя вера» Льва Толстого, она делилась впечатлениями с младшим сыном Василием: «Я до сих пор совсем не знала и не понимала Толстого, он мне всегда казался страшным грешником, и я очень беспокоилась, что ты его читаешь; но теперь убедилась, что он очень, очень умный человек и многое понимает гораздо правильнее, нежели мы» (1; 261). Но более всего она любила перечитывать письма брата. Воспоминания Ольга Васильевна начала писать в день своего семидесятилетия.

До последних дней жизни Ольга продолжала лечить людей. Когда уже не вставала с постели, продолжала давать советы, какое лекарство принять. Слабая и болезненная от рождения, она прожила долгую жизнь. Умерла на восемьдесят третьем году. К смерти приготовилась как истинная христианка. Проверила, не осталась ли кому должна. Распределила между родственниками имущество и деньги, оставила только на свои похороны. Она не хотела, чтобы тратили другие, даже близкие. От своих детских бед и обид она могла замкнуться в себе или ожесточиться. Но этого не случилось. Ольга умела видеть в жизни светлые стороны. Даже платья она носила всегда светлые. Даже кур держала белых или пестреньких. Она была светлым человеком. Такой и запомнилась людям.

Мария, Анна, Елизавета и Ольга – обыкновенные женщины. Но их не поглотила бездна времени. Они остались в истории литературы как сестры Гоголя – земные спутницы его немеркнущей звезды.

